

противниками любых проявлений социального радикализма и выступали даже против демократии, которую воспринимали исключительно в качестве инструмента реализации в обществе разрушительной и опасной диктатуры масс.

Кроме того, реалии российской политической повседневности заставляли ранних русских либералов обращаться за поддержкой именно к дворянству. В политической системе самодержавной России середины XIX в. не существовало парламентских и партийных институтов, а представления о политической культуре в основном ограничивались придворным этикетом и искусством интриги. В такой ситуации национальная аристократия воспринималась либералами как единственная сила, способная к активному и осмысленному участию в политической жизни общества. В итоге, аристократическая составляющая в политической программе раннего русского либерализма занимала одно из центральных мест, призванная служить гарантом социальной стабильности в обществе и защитой от возможных революционных потрясений в стране в эпоху начавшейся модернизации.

В заключение следует все же попытаться объяснить очевидный и «подозрительный» для специалистов аристократизм раннего русского либерализма середины XIX в. Многие отечественные исследователи и сегодня продолжают называть его «дворянским либерализмом», полагая, что сословная принадлежность основателей либеральной традиции в России напрямую коррелирует с их взглядами. Трудно согласиться с таким мнением. Перед нами проблема, связанная с эпохой формирования русского либерализма, превращения его из рационалистической утопии западного образца в полноценную, национально адаптированную концепцию развития российского государства.

Больше всего ранние русские либералы опасались ужесточения и без того самодержавного режима в стране, с одной стороны, и распространения демократических, а значит революционных, по их мнению, настроений — с другой. В этой ситуации они видели единственный выход в осуществлении политики «просвещенного абсолютизма» в России. В ней могли бы соединиться усилия верховной власти, готовой к самоограничению через новые либеральные законы, и образованного, политически способного меньшинства в лице национальной аристократии ради развития идеалов свободы в российском государстве в обозримом будущем. Поэтому аристократизм раннего русского либерализма следует воспринимать скорее как одну из его многочисленных особенностей, закономерно усилившуюся в период подготовки и проведения Великих реформ. Вместе с тем либералы остались верны и сохранили генетическую связь с основными «догматами либерализма» и не должны произвольно и бесосновательно выводиться за его границы.

*Ю.М. Ярко
(Екатеринбург)*

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ) В 1917 г.

Партийная программа кадетов была принята на I-м съезде партии в 1905 г. После Февральской революции 1917 г. в программу были внесены изменения. Так, на VII-м всероссийском съезде партии, проходившем 25–28 марта, в программу было

внесено изменение относительно государственного устройства страны: было единодушно признано, что «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»¹. На VIII-м всероссийском съезде, состоявшемся 9–12 мая, в программу был внесен пункт о том, что вознаграждение за принудительное отчуждение частновладельческих земель должно производиться «по оценке, соответствующей нормальной доходности земли», и что земля принадлежит всему «трудовому земледельческому населению»². IX съезд партии (23–28 июля) в вопросе о церкви снял положение об отделении церкви от государства³.

После внесенных в неё изменений программа Партии народной свободы (Конституционно-Демократической) состояла из 59 параграфов, объединенных в восемь разделов.

Один из таких разделов — раздел VI («Земельный вопрос»), состоявший из девяти параграфов (§ 36–44) и приложения к параграфу 37 («Главные основания земельной реформы») в количестве девяти пунктов, был самым крупным по объему относительно других разделов программы. Это говорит, видимо, о том, что кадеты понимали огромную важность решения земельного вопроса для сельскохозяйственной России.

Итак, согласно разделу VI партийной программы, «земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению» (§ 36)⁴. Осуществление земельной реформы было признано «неотложной мерой» для того, чтобы удовлетворить «нужды в земле малоземельного и безземельного населения, занимающегося земледельческим трудом» (§ 37)⁵.

То есть, кадеты помочь сельскому населению хотели, что, конечно, само по себе уже хорошо. Но как это сделать? Наделять крестьян землей предполагалось из запаса государственных земель. Для того, чтобы земли хватило на всех желающих, необходимо было уже имеющийся запас государственных земель (включая бывшие удельные и кабинетские) пополнить «землями монастырскими, церковными [...] принадлежащими крестьянскому и дворянскому банкам и принудительно отчуждаемыми частновладельческими (лиц физических и юридических)» (пункт «а» приложения к § 37)⁶. Каким образом изъять земли у монастырей и церквей — за выкуп, безвозмездно или ещё как-то, а также в каком количестве (полностью или частично) — программный документ не объясняет. А ведь это серьезный аспект — церковная структура была одним из важных институтов, стягивавших и цементирующих своей деятельностью государственный механизм дореволюционной России. Ведь церковь, в ответ на изъятие у неё земель, может отвернуться от такого государства и, тем самым, ослабить его. Как взять монастырские и церковные земли, не ослабляя вертикаль государственной власти? Программа кадетов не дает ответа на этот вопрос.

В упомянутом выше пункте «а» говорится о необходимости принудительного отчуждения частновладельческих земель, но, при этом непонятно: у кого же именно эти земли возможно изъять? Такая непонятность исходит из прочтения следующего пункта — «б» — приложения к § 37: «Принудительному отчуждению не подлежат: земли сельских обществ; все [...] не превышающие трудовой нормы [...] мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; земли под фабриками и заводами; усадьбы, с[ады], виноградники, огороды и т. п.; земли, принадлежащие городам, земствам и [...] находящимся в их ведении [...] учреждениям; земли других учреждений,

предназначенные для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общепользовательных целей»⁷. Итак, у крестьянских общин, товариществ и отдельных лиц с «мелкими» владениями землю отнимать нельзя; у буржуазии, владеющей фабриками и заводами, землю изымать нельзя; у помещиков (а надо понимать, именно у них, а не у крестьян (кроме хуторян) имелись усадьбы и сады) забирать землю нельзя; у городов и земств муниципальную землю реквизизировать нельзя.

У кого же тогда можно?! Кто ещё, кроме перечисленных выше категорий населения России, владел большими запасами земли? Их, остальных, конституционные демократы замысловато называют «прочими частными владениями» и в них, в этих «частных владениях» подлежит принудительному отчуждению все количество земли сверх трудовой нормы» (пункт «в» приложения к § 37)⁸. Здесь надо отметить, что трудовые и предельные нормы количества земли должны были вырабатываться местными земельными учреждениями, а затем определяться законом (пункт «е» приложения к § 37)⁹. То есть, сами кадеты не устанавливают в партийной программе размер трудовой и предельной норм земли. Следовательно, всё зависит от воли местных земельных учреждений, которые могут отказаться от «нормы» вообще или сознательно завысить эти нормы, чтобы не было земельных излишков, которые подлежат отчуждению. В этом случае — и в «прочих частных владениях» отчуждать будет тоже нечего.

Сами кадеты (без местных земельных учреждений) стремятся к тому, чтобы в «прочих частных владениях» не пришлось отчуждать землю. Это следует из оговорки в программе о том, что можно «сохранить за собою количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для того предельной нормы». Это право предоставлено, в случае, если в данной местности «нет недостатка земли», «тем владельцам, которые ведут хозяйство собственным инвентарем», или тогда, «когда подлежащие учреждения признают необходимым сохранить данное хозяйство в прежнем виде» (пункт «в» приложения к § 37)¹⁰. Также это следует из пункта «е» приложения к § 37, в котором имеется «Примечание», поясняющее, что предельная норма должна быть приближена к размеру, по сути, кулацкого (а не бедняцкого) хозяйства: «Указанные предельные нормы должны устанавливаться применительно к обычному, по местностям, размеру хозяйств полутрудового типа, то есть тех хозяйств, в которых наряду с наемными рабочими, принимают непосредственное участие в сельскохозяйственных работах и сами владельцы земли»¹¹. Это означает, что предельная норма размера земли должна быть завышенной и, вряд ли кто-нибудь из зажиточных крестьян её преодолеет, следовательно, отчуждать излишки их частной земли будет невозможно в силу отсутствия последних.

У кадетов в программе проглядываются некоторые противоречия. Так, в приложении к § 37 говорится о допустимости превышения трудовой нормы, а в § 38, наоборот, об устранении возможности такого для «отдельных лиц»: «Для сохранения за трудовым землевладением его прямого назначения должны быть установлены законом меры к устранению возможности для отдельных лиц приобретать землю сверх трудовой нормы, а также обращать земли сельскохозяйственного пользования [(] хотя бы и в пределах трудовой нормы) в источник постоянного рентного дохода»¹². Кто такие «отдельные лица», программа не поясняет.

Из всего вышесказанного становится понятно, что в реальности (а не теоретически) отчуждать частновладельческие земли было почти не у кого. Несмотря на это, в программе конституционных демократов механизм этой процедуры был обозначен: «Принудительное отчуждение частновладельческих земель производится путем выкупа их государством. В основе оценки земли полагается нормальная ее доходность, с устранением из расчета тех повышающих доход элементов, которые обуславливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях, превышающих известные, устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка. Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом» (пункт «ю» приложения к § 37)¹³. «Выкупная сумма за отчуждаемые земли выплачивается владельцам выкупными свидетельствами. Государство принимает на себя погашение всей выкупной суммы и уплату известной, определяемой законом доли процентов по выкупным свидетельствам. Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов покрывается особым налогом с земель, отводимых в пользование населению» (пункт «и» приложения к § 37)¹⁴. Таким образом, вся тяжесть выкупных операций должна была лечь на государство, а также на население, облагаемое налогом. Но, с другой стороны, потери государственного бюджета были бы, видимо, невелики в силу отсутствия большого количества в реальности отчуждаемых частновладельческих земель.

Получается, что, исходя из программы кадетов, пополнять государственный земельный фонд возможно было только за счет церковно-монастырских земель и земель банков (крестьянского и дворянского). Если даже и нашлись бы частновладельческие земли, подлежащие отчуждению, их количество было бы незначительным. А это означает, что, в силу ограниченности земельного фонда, всем желающим получить землю (при подходе, обозначенном в партийной программе кадетов) не удалось бы; землю получила бы только часть нуждающихся.

Видимо, кадеты и сами предполагали, что не смогут обеспечить всех желающих землей и поэтому предусматривали переселение нуждающихся в земле в другие районы: «При недостатке в данной местности запаса земель для нормального обеспечения местного малоземельного и безземельного земледельческого населения должна быть применена широкая помощь государства тем, кто пожелает выселиться в другие районы» (пункт «т» приложения к § 37)¹⁵. Но возникает вопрос: а кому они, эти нуждающиеся, нужны в «других районах», и кто для них там приготовил землю? Ведь, если в районе, богатом землями, местные земельные учреждения увеличат трудовую и предельную норму с целью наделения «своих» желающих максимально крупными земельными участками, то останется ли какая-либо земля для переселенцев? Многие ли из переселенцев тогда получают землю? Представляется, что нет. Но, тем не менее, § 42 возлагает надежды на государственную и общественную поддержку для переселенцев: «Необходима широкая постановка [...] работ по заготовке и устройству земель для переселенцев. Государственная и общественная организация переселенцев»¹⁶. В частности предполагалось применение следующих мер в поддержке переселенцев: проведение мелиорации, предоставление сельскохозяйственного кредита,

«мероприятия агрономического характера, широкая постановка сельскохозяйственного образования, дальнейшее развитие и укрепление кооперации и т.п.»¹⁷.

В программе указано, что земля из государственного запаса должна отводиться нуждающимся «на началах постоянного (бессрочного) пользования как коллективным единицам: общинам [...] обществам с подворным владением — товариществам и прочим союзам земледельцев, так и отдельным владельцам, сообразно с местными особенностями существующего трудового землевладения и желаниями населения» (пункт «з» приложения к § 37)¹⁸. Это пункт демонстрирует демократизм кадетов. Но, что такое «пользование»? Это бесплатное использование земли по назначению без права её продажи, но с передачей по наследству, или это аренда земли, или это не точный термин частной собственности на землю? Разъяснения в программе отсутствуют. Также нет в партийной программе пояснений о том, безвозмездно или за определенную плату будет осуществляться сам процесс отведения земель нуждающимся (такие разъяснения имеются в листовках, плакатах, обращениях регионального уровня, но в общепартийном документе этот вопрос обойден стороной).

По отношению к общинному землевладению программа ПНС предусматривала: «устранение [...] мер насильственного разрушения общинного владения»; «установление порядка выхода [...] из общины, обеспечивающего интересы как выходящих и выделяющихся, так и прочих общинников»; допущение переуступки отдельными общинниками своих прав в общинном владении «посторонним лицам»; устранение чересполосицы между участками отдельных хозяев и общинными землями (§ 41)¹⁹. То есть кадеты не ратовали за разрушение общины и поддержку только хуторян или отрубников. Более того, они отмечали, что решающее значение в установлении формы землевладения должно принадлежать самому населению: «В соответствии с этим, последнему [населению — Ю.Я.] должна быть предоставлена законом широкая возможность сохранять, устанавливать и развивать те формы землевладения, какие являются для него предпочтительными» (§ 39)²⁰.

Отдельными параграфами в разделе VI определено отношение кадетов к лесам и водным ресурсам: «Леса должны принадлежать государству, за исключением лесных площадей, могущих получить сельскохозяйственное назначение[...], а также состоящих в[о] владении трудового населения [...] и общественных учреждений» (§ 43)²¹. «Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами, как источниками движущей силы, а также для целей орошения и проч. нужд общего значения» (§ 44)²².

Исходя из анализа положений партийной программы, можно сделать вывод, что удовлетворение нуждающихся земель в реальности (а не в теории) возможно было только в ограниченном количестве, а не в полном объеме. В целом программный раздел VI о земельном вопросе недостаточно хорошо проработан и во многом носит чисто декларативный характер. И кадеты это сами понимали. На митинге 21 апреля 1917 г. в Екатеринбурге они не смогли внятно рассказать присутствующим об своей аграрной программе. Газета «Думы Урала» от 3 мая 1917 г. в сообщении об этом событии писала: «Программные рифы, вроде земельного вопроса, г. Чистосердов проскакивал спешно, говоря: "Ну, это всем известно, поэтому здесь останавливаться не буду"»²³. А Л.А. Кроль в прениях на том же митинге откровенно сказал: «Что касает-

ся аграрной программы кадетов, то они честно и искренно готовы признать, что она не разработана»²⁴.

Примечания

¹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 269.

² Там же. С. 270.

³ Там же.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Л. 6 об.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 7 об.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 5 об. — 6.

²² Там же. Л. 6.

²³ Думы Урала. (Екатеринбург). 1917. № 16. С. 5.

²⁴ Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 26 апр. С. 3.

*Е.И. Яркова
(Екатеринбург)*

ВИЗИТЫ ГЛАВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СВЕРДЛОВСКУЮ ОБЛАСТЬ (1950–1989 гг.)

Сообщение о самом первом визите главы иностранного государства в Свердловскую область удалось выявить в газете «Уральский рабочий» за 25 февраля 1950 г. Небольшая заметка сообщала о том, что председатель центрального народного правительства КНР Мао Цзедун и министр иностранных дел Чжоу Эньлай, находившиеся с официальным визитом в СССР, выехали 17 февраля из Москвы и по пути следования в Китай посетили Свердловск, Омск, Новосибирск и Красноярск.

20 февраля 1950 г. делегация КНР прибыла в Свердловск, а 21 февраля была уже в Омске. Во время недолгого пребывания в столице Среднего Урала гости успели побывать на Уралмашзаводе, где интересовались прежде всего промышленным оборудованием. Китайцы осмотрели кузнечнопрессовой, механический цеха и теплоэлектроцентраль Уралмаша. В программу визита входило также посещение Уральского геологического музея.

17 июня 1955 г. в аэропорту Кольцово приземлился самолет с индийской правительственной делегацией. Премьер-министр Индии Д. Неру и его дочь И. Ганди пробыли в Свердловске полтора дня, за это время успели посетить УЗТМ, геологический музей, Дворец пионеров. Гости также побывали на вечернем концерте в Свердловском оперном театре¹.